

ДИОДОНЪ

И 9 И 0

декабрь

что можетъ сгладиться безмысленное раздвое-
ние, раздѣляющее современное искусство, удѣлъ
немногихъ избранныхъ, и чувство широкихъ
слоевъ населенія, и что раздвоеіе это исче-
знетъ безъ ущерба искусству. И я глубоко убѣ-
жденъ, что именно у славянскихъ народовъ исче-
знетъ оно раньше и легче всего!

Въ Моравіи такія надежды оправдываются тѣмъ
обстоятельствомъ, что тамъ еще не умерла пре-
емственность народнаго о художественнаго чув-
ства, когда во внезапномъ расцвѣтѣ нашлось
столько выдающихся художниковъ, чтобы руко-
водить движеніемъ, и столько достойныхъ лю-
бителей, чтобы его поддерживать.

William Ritter.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА

„КАРАМАЗОВЫ“

Зимній сезонъ начался съ постановки „Карама-
зовыхъ“ въ Художественномъ театрѣ. Поста-
новка эта вызвала цѣлый рядъ статей и лек-
цій о Достоевскомъ и о трагедіи Карамазо-
выхъ. Театральное событіе стало общелитера-
турнымъ.

Самую постановку Художественнаго театра,
несмотря на многіе недочеты, слѣдуетъ признать
превосходной! Положительныя осуществле-
нія съ избыткомъ покрываютъ всѣ ошибки.
Думаю, что мнѣ нечего сообщать о томъ, что
этотъ театръ, дѣлая „выкройку“ сценъ, нигдѣ не
измѣнилъ текста романа, ввелъ „чтеца“, прочи-
тавшаго описательныя вставки, и игралъ безъ
декораций—на сплошномъ сѣромъ фонѣ и въ
присутствіи только тѣхъ предметовъ, которые
необходимы по ходу дѣйствія. Московская кри-
тика, какъ это принято, встрѣтила эту попытку
очень сурово, сосредоточивъ свое вниманіе не
на существенномъ, а на случайномъ, и осуждая
чтеца. Тѣ же изъ критиковъ, которые обладали
сверхъ провинцальности еще эстетическими

принципами, выражали свое глубокое негодова-
ніе на кощунственность передѣлки романа въ
драму.

Такимъ образомъ, вопросъ о „Карамазовыхъ“
раздѣлился на три русла: законна ли передѣлка
романа для сцены? въ чемъ трагическая сущ-
ность Карамазовыхъ? и, наконецъ, самъ Достоев-
скій и трагедія его творчества.

Первый вопросъ былъ разработанъ менѣе все-
го. Мнѣ же онъ представляется въ такомъ ви-
дѣ: трагедія можетъ возникнуть лишь тамъ,
гдѣ для нея существуетъ уже подготовленный
матеріалъ, т. е. эпически обработанный миѣ.
Эпосомъ нашего времени является романъ. И
дѣйствительно, мы видимъ въ исторіи современ-
наго французскаго театра, что романъ имѣетъ
опредѣленную склонность превращаться въ
драму: ничто драматически важное въ романѣ
не можетъ не быть перенесеннымъ на сцену.
Русскій театръ же имѣлъ опредѣленной склон-
ности къ эпическимъ формамъ, особенно у Тур-
генева и у Чехова. Все же, что было трагиче-
скаго въ русской душѣ, воплотилось въ романѣ.
Русскій классическій романъ XIX вѣка, осо-
бенно Достоевскій и Толстой, это нашъ траги-
ческій миѣ. Только изъ него можетъ подлин-
ная русская трагедія черпать свой матеріалъ.
Поэтому рѣшеніе Художественнаго театра ин-
сценировать „Братьевъ Карамазовыхъ“ не толь-
ко законно, но и неизбѣжно.

О трагедіи Карамазовыхъ пока больше гово-
рилось, чѣмъ писалось. Ей была посвящена
лекція Сергѣя Соловьева. Несомнѣнно, что въ
романѣ уже заключены не только всѣ элементы
трагедіи, но и дана сама трагедія. Кромѣ того
все дѣйствіе у Достоевскаго сосредоточено въ
диалогахъ, а описательныя страницы носятъ
характеръ и стиль разросшихся ремарокъ.
Остается только вынуть осторожно трагедію
изъ романа. Сергѣй Соловьевъ утверждалъ,
что „Карамазовы“ представляютъ чисто антич-
ную трагедію и ставилъ „отцеубійцу“ Дмитрія
рядомъ съ отцеубійцей Эдипомъ. Это утвержде-
ніе вызвало цѣлый рядъ очень основательныхъ

возражений со стороны Булгакова, Бердяева и Андрея Бѣлаго, разсматривавшихъ ‚Карамазовыхъ‘, какъ трагедію чисто христіанскую. На этомъ диспутѣ стоить остановиться подробнѣе, т. к. основныя положенія спорившихъ характерно выражали группировки мнѣній.

Самый рефератъ Сергѣя Соловьева, исполненный внутреннихъ противорѣчій и произвольныхъ утверждений, не былъ интересенъ, но мысли оппонентовъ его были законченны и значительны. С. Соловьевъ разсматривалъ Достоевскаго сквозь призму Діонисизма — понятіе въ его устахъ крайне неопредѣленное, т. к. оно совмѣщало элементы Аполлиническіе вмѣстѣ съ элементами Ваххическими и въ то же время исключало стихію Діониса Загря. Онъ утверждалъ, что Толстой—Гомеръ, а Достоевскій—Эсхиль русской литературы; что Достоевскій не писалъ трагедій только потому, что античная трагедія въ его эпоху еще не была воскрешена; что русский Діонисизмъ выразился въ Пушкинѣ, Тютчевѣ и Баратынскомъ; что ‚Братья Карамазовы‘ не потому остались незаконченными, что Достоевскій умеръ, но что онъ умеръ оттого, что у него не было силъ закончить ‚Бр. Карамазовыхъ‘; а не было силъ потому, что самъ онъ былъ талантъ большой, но извращенный. Въ ‚Карамазовыхъ‘ Достоевскій устыдился впервые своей эпилепсіи, которую онъ раньше идеализировалъ, награждая ею кн. Мышкина, а здѣсь онъ отдалъ ее извергу Смердякову. Но въ ‚Карамазовыхъ‘ остаются ‚лакейски-грязныя страницы‘. Діонисическое ученіе Зосимы есть иксъ, т. к. основано на рожденіи отъ духа, а не отъ плоти. Что по замыслу Достоевскаго Дмитрій долженъ былъ символизировать апостола Петра, Иванъ—Павла, Алеша—Іоанна; что это Достоевскому не удалось; что Діонисъ—это святость зачатія и мукъ рожденія; что истинному духу христіанства болѣе соотвѣтствуютъ у Достоевскаго отецъ Ѳерапонтъ, а не старецъ Зосима. Что религія русскаго народа—это религія Матери-Сырой-Земли—Богоматери-Деметры; въ землѣ заключена та свя-

тость, которой надо учиться; что новое пришествіе Діониса принесетъ съ собою новый Славянскій Ренессансъ.

С. Н. Булгаковъ, говоря о ‚Карамазовыхъ‘, какъ о христіанской трагедіи, указалъ на противоположеніе Зосимѣ Ѳеодора Карамазова (которому Достоевскій изъ самоуниженія уступилъ свое имя): они оба умираютъ въ одну и ту же ночь, и въ тотъ же самый моментъ, когда Алеша въ экстазѣ, послѣ сна о Канѣ Галилейской, цѣлуетъ землю,—Митя мчится въ Мокрое и ведетъ пророческую бесѣду съ ямщикомъ, а Иванъ томится въ Москвѣ отъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Вотъ трагическое единство въ замыслѣ Достоевскаго. Затѣмъ С. Булгаковъ доказывалъ тождество ученія Зосимы съ ученіемъ восточныхъ учителей православія, пустынножителей Сири и Ѳиваиды, сопоставляя тексты поученій Зосимы съ текстами Исаака Сирина.

Н. А. Бердяевъ говорилъ о томъ, что главное у Достоевскаго—это проблема личности, какъ неповторяемаго міра. Это основная проблема христіанства, чуждая Діонисизму, который имѣетъ дѣло съ основными токами природы. Вообще же Достоевскій не можетъ быть выраженъ ни въ какихъ античныхъ категоріяхъ, какъ ни одно явленіе христіанскаго міра, даже Нише. Достоевскій не былъ и никогда не могъ быть пророкомъ Діониса, потому что все въ немъ связано съ ликомъ Христа.

Рѣчь Андрея Бѣлаго находилась въ непосредственной связи съ тѣмъ докладомъ о Достоевскомъ, который онъ читалъ въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ мѣсяцъ назадъ. Это засѣданіе было все посвящено Достоевскому, но не спеціально ‚Карамазовымъ‘ и не по поводу постановки. Основная мысль Андрея Бѣлаго сводится къ тому, что Достоевскій былъ боленъ трагедіей творчества, свойственной всему русскому искусству. Примѣръ трехъ великихъ русскихъ художниковъ—Гоголя, Достоевскаго и Толстого, показываетъ, что искусство не было ихъ окончательною цѣлью. Художникъ стремится самъ стать своею собственною, оконча-

тельной художественной формой. Гоголь и Достоевский погибли. Толстой достиг. Сказано: „Заповѣдь новую даю вамъ“. Я спрашиваю, какъ понимать это? Если любовь была новая, то къ Діонисизму не можетъ быть возврата никогда. Христіанство приведетъ насъ не къ Голгоѣ, а къ новому небу и къ новой землѣ. Изъ этихъ схематически намѣченныхъ точекъ горизонта литературныхъ мнѣній ясно видно, какая атмосфера создавалась вокругъ постановки Художеств. театра: съ одной стороны—зрители-обыватели съ твердыми эстетическими принципами о томъ, что передѣлывать романъ въ драму—кошунство; съ другой—литераторы и философы, очень чуткіе, но забывающіе тотчасъ же о сценѣ, слѣдя за развитіемъ собственной своей мысли. Отсутствие средней театральной публики, любящей искренно театръ и въ то же время наивной и довѣрчивой, дѣлаетъ судьбу театра очень трудной. Художественному театру приходится какъ бы „творить въ пустую“, что лишаетъ его очень многого. Хотя, вообще, театральная публика въ Москвѣ болѣе благодарный матеріалъ, чѣмъ въ Петербургѣ...

Мало кто подошелъ къ постановкѣ ‚Карамазовыхъ‘ съ чисто театральными требованиями. Ошибкой постановки было то, что театръ далъ ‚Сцены изъ романа‘, тогда какъ его задачей должно было дать трагедію Карамазовыхъ.

Трагедія, какъ мы сказали, въ романѣ заключена. Ее нужно только вынуть оттуда, что при введеніи „чтеца“ не трудно. (Кстати—это тотъ самый чтець, читающій ремарки и имена дѣйствующихъ лицъ, котораго требовалъ Ѳ. Сологубъ четыре года назадъ въ статьѣ о театрѣ). Но закончены въ романѣ только трагедіи Дмитрія и Ивана. Для судьбы Алеши—романъ только прологъ. Поэтому было бы логично сократить роль Алеши до минимума. А между тѣмъ сценарій Художественнаго театра изобилуетъ сценами чисто эпизодическими, оставленными только ради Алеши, которыя тормазятъ дѣйствіе. Для главныхъ ролей Художественный театръ нашелъ прекрасныхъ исполнителей: г. Вороновъ геніаль-

но создалъ Смердякова; Германова передала все обаяніе Грушеньки; Бутова создала незабываемую фигуру изъ сумасшедшей жены капитана Снѣгирева; Леонидовъ и Качаловъ были подлинными Митей и Ивановъ, а Москвинъ хорошимъ кап. Снѣгиревымъ. И, что было дѣйствительно цѣнно, Московскій театръ далъ не иллюстрацію, а воссозданіе произведенія: душа бывала охвачена трепетомъ трагедіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше глаза спокойно скользили по страницѣ книги. Театръ вводилъ зрителя за грани романа, что свидѣтельствуеъ объ истинной художественной цѣнности этой постановки.

Въ настоящее время въ Художественномъ театрѣ идутъ релетіи ‚Miserere‘ Юшкевича и возобновленъ ‚Мѣсяцъ въ деревнѣ‘ съ Качаловымъ вмѣсто Станиславскаго.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУППИРОВКИ

Съ распаденіемъ ‚Вѣсовъ‘ и прекращеніемъ ‚Золотого Руна‘ литературныя группы Москвы, существовавшія послѣднія шесть лѣтъ, совершенно измѣнились. ‚Золотое Руно‘ прекратилось безслѣдно, такъ какъ не было сопряжено ни съ какими эстетическими группировками. Съ его прекращеніемъ исчезло то убѣжище, въ которомъ всегда могла спастись статья, отвергнутая другими журналами. Изъ ‚Вѣсовъ‘ же выдѣлилась группа младшаго поколѣнія ‚Скорпіона‘, которая въ лицѣ Андрея Бѣлаго и Элиса стала во главѣ издательства ‚Мусагетъ‘.

Такимъ образомъ Москва осталась безъ эстетическаго журнала. Отъ старшаго поколѣнія ‚Скорпіона‘ въ Москвѣ въ настоящее время одинъ Валерій Брюсовъ.

Брюсовъ въ настоящее время принялъ на себя редакторство литературнаго отдѣла въ ‚Русской Мысли‘. Но это не значитъ, что ‚Русская Мысль‘ въ извѣстномъ смыслѣ станетъ продолженіемъ ‚Вѣсовъ‘. Съ одной стороны, этотъ журналъ слишкомъ связанъ своими тридцатилѣтними традиціями, чтобы допустить слишкомъ рѣзкое

измѣненіе направленія, съ другой же стороны самъ Брюсовъ, повидимому, отходитъ отъ 'молодой' литературы и не призываетъ въ составъ своего кабинета прежнихъ своихъ сотоварищей по 'Вѣсамъ'.

Такъ 'Мусагетъ' въ настоящую минуту является единственнымъ литературнымъ средоточіемъ Москвы. Но онъ представляетъ собою сложное цѣлое; его философская секція имѣетъ свое періодическое изданіе 'Логосъ', являющееся органомъ современной нѣмецкой гносеологической школы; литературная же его секція не имѣетъ журнала, но предполагаетъ изданіе стихотворныхъ альманаховъ и предпріяла рядъ практическихъ работъ по различнымъ эстетическимъ вопросамъ. Подъ руководствомъ Андрея Бѣлаго ведутся занятія по ритмикѣ; эта группа изъ 10—15 человекъ занимается совмѣстно статистическимъ учетомъ ритма всѣхъ русскихъ поэтовъ, согласно методу экспериментальной эстетики, изложенному Андреемъ Бѣлымъ въ его книгѣ 'Символизмъ'. Для того, чтобы закончить эту работу, подвести итоги, составить статистическія таблицы, чертежи и сдѣлать окончательные выводы изъ полученнаго матеріала, можетъ понадобиться не менѣе трехъ лѣтъ.

Одновременно съ этимъ трудомъ при 'Мусагетѣ' ведутся практическія занятія по символизму: Эллисъ читаетъ курсъ о Бодлэрѣ, Б. Садовской о Фетѣ, В. Нилендеръ ведетъ семинарію по Орфическимъ гимнамъ.

Въ качествѣ сотрудниковъ и слушателей лекцій, къ 'Мусагету' примыкаетъ много молодыхъ поэтовъ и студентовъ, еще не проявившихъ себя въ печати. Это создаетъ для издательства корни въ растущемъ литературномъ поколѣніи и сулитъ большое и широкое развитіе этой группы въ будущемъ. Фактъ отсутствія собственнаго журнала говоритъ въ пользу дѣйствительнаго успѣха этого дѣла, а не противъ него.

Въ смыслѣ направленія, духа, въ противоположность философской секціи 'Мусагета', въ литературной—слѣдуетъ отмѣтить склонность

къ мистицизму и къ оккультизму, съ уклонами къ католицизму съ одной стороны и къ штейнеріанству съ другой.

Максимиліанъ Волошинъ.

МУЗЫКА ВЪ МОСКВѢ

Большой концертный сезонъ начался. Обиліе музыки еще болѣе подавляющее, нежели въ прошломъ году. Но какъ и тогда—не такъ много подлинно значительнаго, захватывающаго, и тѣмъ болѣе—свѣжаго, новаго. Современная музыка по-прежнему остается внѣ серьезнаго вниманія нашихъ музыкальных обществъ, появляясь на программахъ эпизодически, случайно, въ микроскопическихъ размѣрахъ. А въ то же время исполняемая чуть ли не каждый годъ 'патетическая' Чайковского значится въ репертуарѣ трехъ крупнѣйшихъ концертныхъ предпріятій (въ музыкальномъ Обществѣ, филармоніи и у г. Кусевицкаго). Все это тѣмъ болѣе странно, что ожесточенная война между конкурирующими предпріятіями, нерѣдко выступающая наружу (напримѣръ, недавній смѣхотворный случай, когда Г. Форэ отказался по болѣзни участвовать въ камерномъ вечерѣ музыкальнаго Общества и 5-го же ноября, на которое былъ назначенъ вечеръ, выступилъ въ филармоніи съ той же программой),—эта всеобщая мобилизація должна бы была обострить инициативу, направленную къ освѣженію концертныхъ программъ. Просматривая проспекты этихъ послѣднихъ, объявленные на текущій сезонъ, музыкантъ, уставшій отъ безконечныхъ попытокъ плохо или въ лучшемъ случаѣ посредственно исполнять Моцарта, Бетховена, Шумана,—порадуется, конечно, тѣмъ немногимъ крупнѣйшимъ новаго, которое заключаются въ себѣ эти проспекты. И пальму первенства онъ отдастъ, разумѣется, г. Кусевицкому. Здѣсь вниманіе прежде всего останавливается на предположенномъ исполненіи послѣдняго произведенія Скрябина, его поэмы 'Прометей'. Въ